

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/KBFECO>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ПРОБЛЕМЫ КОММЕНТИРОВАНИЯ <АВТОРСКОЙ ИСПОВЕДИ> Н.В. ГОГОЛЯ

© 2022 г. Ю.В. Балакшина

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 01 сентября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 30 ноября 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-364-385>

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-012-00139 «Позднее творчество Гоголя (“Выбранные места из переписки с друзьями”, “О сословиях в государстве” и <Авторская исповедь>): проблемы источниковедения, текстологии и комментирования»

Аннотация: Статья посвящена проблемам комментирования прозы Н.В. Гоголя 1840-х гг., в первую очередь незавершенному и не опубликованному при жизни писателя тексту, озаглавленному С.П. Шевыревым <Авторская исповедь>. Отмечается ряд общих проблем в понимании русской классики современными читателями, обусловленных изменением культурного горизонта и отказом от универсализирующих интерпретаций. Раскрываются особенности прозы позднего Гоголя, вызванные религиозным и творческим переломом: прямой диалог с читателем, усиление проповеднического и исповедального начала, автокомментирование собственных текстов, акцент за символическую, таинственную природу слова, — и делаются предположения о том, как эти особенности могут быть переданы при помощи аппарата комментария. Предлагается детальный анализ двух комментаторских проблем на материале <Авторской исповеди>: введение в автодокументальный текст элементов вымысла; характер соотносительности текста записки с эпистолярным наследием писателя. Делаются выводы об особой жанровой природе <Авторской исповеди> и выделяются подходы и приемы, при помощи которых эпистолярный текст превращается в текст публичного назначения. Полученные наблюдения и выводы могут быть использованы в процессе подготовки <Авторской исповеди> к публикации в составе Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: русская литература, Н.В. Гоголь, <Авторская исповедь>, комментирование, жанр, научный комментарий, реальный комментарий, эпистолярный.

Информация об авторе: Юлия Валентиновна Балакшина — доктор филологических наук, доцент теологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 1-я линия Васильевского острова, д. 52, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4187-1633>

E-mail: jbalaksh9@gmail.com

Для цитирования: Балакшина Ю.В. Проблемы комментирования <Авторской исповеди> Н.В. Гоголя // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 364–385.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-364-385>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 3, 2022

<AUTHOR'S CONFESSION> BY N.V. GOGOL: PROBLEMS OF COMMENTING

© 2022, Julia V. Balakshina

Herzen University, St. Petersburg, Russia

Received: September 01, 2021

Approved after reviewing: November 30, 2021

Date of publication: September 25, 2022

Acknowledgements: This research was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00139: "Selected passages from correspondence with friends,' 'On estates in the state' and <Author's Confession>: problems of source study, textual criticism and commenting."

Abstract: The article addresses the issues of commenting on N.V. Gogol's prose of the 1840s. The focus is on <Author's Confession.> Unfinished and unpublished during the writer's lifetime, the text was later entitled by S.P. Shevryov. A number of common problems in how today's readership comprehends the Russian classics are pointed out, more specifically, the changes in the cultural horizon and the renunciation of universalizing interpretations. The article highlights specific features of Gogol's late prose, defined by a turning-point in his religious belief and creative work, namely aiming at a direct dialogue with the reader, strengthening the elements of preaching and confession, self-commenting on one's own texts, emphasizing the symbolic and mysterious nature of the word. The author suggests assumptions on how these features can be conveyed using the commentary apparatus and offers a detailed analysis of two commentary problems, based on <Author's Confession.> Firstly, the article discusses how fiction elements are introduced into the autodocumentary text; secondly, it shows how the text correlates with the writer's epistolary heritage. Conclusions demonstrate the specific genre nature of <The Author's Confession.> The article outlines the approaches and techniques of transforming an epistolary text into a public one. These observations and conclusions can be used in preparing <Author's Confession> for publication as part of the complete works of N.V. Gogol.

Keywords: Russian literature, N.V. Gogol, <Author's Confession>, commenting, genre, scientific commentary, real commentary, epistolary.

Information about the author: Julia V. Balakshina, DSc in Philology, Associate Professor of Theology, Herzen University, 1st line of Vasilevsky Island 52, 121069 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4187-1633>

E-mail: jbalaksh9@gmail.com

For citation: Balakshina, J.V. <Author's Confession> by N.V. Gogol: Problems of Commenting. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 364–385. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-364-385>

Введение. Постановка проблемы

Проблемы научного комментирования текстов русской классики вновь и вновь оказываются в центре научных дискуссий. Это обусловлено, во-первых, практическими задачами — подготовкой к изданию новых собраний сочинений известных русских писателей; во-вторых, начавшейся в 1990-е гг. сменой идейных установок, следствием которой стало стремление комментаторов представить множественность интерпретаций или дать читателю материал для самостоятельной интерпретации, а не формировать ее; в-третьих, эпохой электронной письменности, позволяющей благодаря системе гипертекстов и гиперссылок значительно расширить объем комментария и совместить различные виды и масштабы комментирования.

Вопрос о том, каким должен быть современный научный комментарий, обсуждался на круглом столе «Текст и комментарий» к 75-летию Вяч.Вс. Иванова [22]; на регулярных научных конференциях, организованных филологическим факультетом МГУ «Текстология и историко-литературный процесс»¹; в предисловиях к комментариям, ставшими самостоятельными изданиями (см., например: [9; 24]); в многочисленных научных статьях.

Ю.М. Лотман в предисловии в комментарии к роману «Евгений Онегин» выделял два вида комментария — текстуальный и концепционный. Цель первого — «объяснить текст как таковой», выявить скрытые в нем намеки, цитаты, реминисценции, объяснить реалии быта и особенности стилистической игры автора. Концепционный вид комментария позволя-

¹ Материалы конференций представлены в сборнике [23].

ет автору давать «разного рода интерпретации: историко-литературные, стилистические, философские и др.» [12, с. 473]. Первый вид представлен в реальном постраничном комментарии; второй — в статьях и монографиях. Однако Т.А. Касаткина полагает, что разрушения, которые постигли в советское время тексты русской литературы (введение новой орфографии и унификация пунктуации), состояние современного русского языка (резкое сокращение смыслового объема, открывающегося в слове), способ восприятия текста читателем (потеря навыка «герменевтического чтения — и книги, и жизни» [10, с. 5]) требуют особого типа комментария, который должен стать своего рода «реабилитационным процессом» [10, с. 5], восстанавливающим утраченные значения и навыки, а также особого рода изданий, представляющих собой «Дополнения к комментарию».

Проблемам комментирования текстов Н.В. Гоголя посвящены статьи и выступления Ю.В. Манна, Е.Г. Падериной, Е.Е. Дмитриевой и других членов «гоголевской группы» ИМЛИ, работающей над изданием нового полного собрания сочинений писателя. Так, Е.Е. Дмитриева в статье «Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая» отмечает, что в русской академической традиции подготовке текста уделялось больше внимания, чем его интерпретации, и «статус текстолога оказался несравненно выше статуса комментатора» [8, с. 35]. Ю.В. Манн в статье «Н.В. Гоголь: академический комментарий в поисках жанра» писал, что, несмотря на тысячелетнюю историю, жанр комментария «находится еще в процессе становления и поисков» [13, с. 103]. В случае с Гоголем проблема осложняется еще и тем, что писатель «практически не был прокомментирован», поскольку фундаментальный комментарий Н.С. Тихонравова (10-е изд., 1889–1896) ограничен проблемами текстологического характера, а комментарий первого академического собрания сочинений (1937–1952) с самого начала отличался излишним лаконизмом, а к концу «стал отпиской, зачастую конъюнктурного характера» [13, с. 104].

Ю.В. Манн, возглавлявший научную группу по подготовке нового полного собрания сочинений Н.В. Гоголя, выделял несколько принципов, принятых при подготовке комментария в данном издании:

1) принцип полноты, который распространяется на охват тем («...темы совершенно упущенные или вскользь затронутые в предшествующих изданиях <...> должны занять свое законное место» [13, с. 106]) и

воспроизведение критической рецепции («...отражение всех прижизненных рецензий и статей и главнейших отзывов и статей, специально посвященных Гоголю» [13, с. 107]);

2) принцип максимальной объективности, связанный с уходом от всяческих идеологических оценок, стремления направлять и формировать читательское восприятие текста. Присутствие комментатора может выражаться «в максимально полном представлении материала, в беспристрастной демонстрации разных точек зрения» [13, с. 108]. При этом читателю должен быть представлен «не свод цитат, а объем проблемы» [13, с. 108].

Ю.В. Манн считал, что степень объективности в случае с реальным комментарием должна быть максимально высокой. Это связано с тем, что реальный комментарий читатель воспринимает одновременно с текстом комментируемого автора, и «тут особенно неуместны нажим и назидательность» [13, с. 109].

Остановимся подробнее на ряде проблем, которые возникают при комментировании одного из поздних текстов Н.В. Гоголя, созданного в 1847 г. и при жизни писателя не публиковавшегося. Он был найден при разборе бумаг, обнаруженных после смерти Гоголя, и озаглавлен при публикации в 1855 г. <Авторская исповедь>. В полном академическом собрании сочинений писателя (1937–1952) комментарий к 8-му тому (1952), в который включен интересующий нас текст, готовили Л.М. Лотман, Б.В. Томашевский и Г.М. Фридендер. Историко-текстовый и историко-литературный комментарий к <Авторской исповеди> занимает в этом издании меньше станицы; для реального комментария отобраны только два факта. Такой комментаторский минимализм обусловлен, по всей видимости, религиозным содержанием поздней прозы Гоголя. В 1990-е гг. <Авторская исповедь> публиковалась в различных сборниках духовной прозы писателя с комментариями В.А. Воропаева и И.А. Виноградова [28; 29; 30]. Этим же ученым принадлежит заслуга издания Полного собрания сочинений Гоголя в 17 т., изданного к его 200-летию Издательством Московской Патриархии [27]. Учеными были выявлены новозаветные цитаты (без указания случаев неточного цитирования); прокомментированы основные реалии; в ряде случаев приведены ссылки на письма Гоголя и статьи его современников. Однако в поле внимания комментаторов не попадали многие биографические сюжеты, литературные аллюзии, широкий эпистолярный контекст

полемиического текста Гоголя. Комментаторы не ставили перед собой задачи прояснить жанровую природу <Авторской исповеди>, характер ее взаимосвязи с письмами тех же лет. Все это ставит перед гоголеведами задачи теоретического и практического характера, связанные с поиском подходов к комментированию текстов, до сих пор не получившими заслуженного ими исследовательского внимания.

Fiction или non-fiction

Ю.М. Лотман отмечал, что «тип комментария зависит от типа комментируемого текста» [12, с. 473], от принципа и глубины связи «текста и внетекстового мира» [12, с. 474]. Если поэтический мир романтической поэмы «абстрагирован от реального быта, окружающего автора и читателей», то «отношения текста реалистического произведения к миру вещей и предметов в окружающей действительности» строятся по совершенно иному плану» [12, с. 474]. Еще более существенные различия возникают при комментировании текстов художественного и автодокументального характера², литературы fiction и non-fiction. Если в первом случае все особенности текста комментируются в свете эстетической задачи автора, то во втором — «комментатор должен считаться с тем, что в его руках репутация людей, которые уже не могут сказать за себя» [7, с. 90], он решает задачу «сверхфилологическую, более личностную и онтологическую, чем исключительно научную» [7, с. 89].

Неоднократно отмечалось, что творчество Н.В. Гоголя 1840-х гг. имеет особую жанровую природу. Это касается и художественных произведений, в частности второго тома «Мертвых душ», и текстов, которые, согласно классификации С.С. Аверинцева [1, с. 45], было бы уместнее отнести к разряду словесности: «Выбранные места из переписки с друзьями»³, «Театральный разъезд», «Размышления о Божественной литургии». К числу последних относится и небольшой текст, известный под заглавием <Авторская исповедь>. Большинство исследователей признают его документальную природу и определяют его жанр как исповедь, автобиографию, творческую автобиографию, дополнение (автокомментарий) к «Выбранным местам...». Однако в самом

2 Обоснование термина «автодокументальный» см.: [20, с. 9–12].

3 О сложной жанровой природе «Выбранных мест из переписки с друзьями» писали Е.И. Анненкова, С.А. Гончаров, В.А. Воропаев и др.

неозаглавленном тексте несколько раз встречается жанровое определение «повесть» («повесть моего авторства» [31, т. 8, с. 438], «чистосердечная повесть» [31, т. 8, с. 438]), что дает основания П.В. Михеду говорить о художественной природе этого гоголевского произведения [16, с. 154–158].

Различение текстов художественного и документального характера связано с установкой на достоверность, которая, согласно Филиппу Лежену, становится основой «автобиографического договора» между автором и читателем. «Лежен говорит не о реальной правдивости и достоверности книг, относящихся к *littérature intime*, а об *установке чтения*, о своеобразном “договоре” между книгой и читателем, который требует особых “кодов” чтения — других, чем в случае художественной литературы или биографии» [20, с. 29]. В случае с <Авторской исповедью> эти «коды» легко считывали и современники Гоголя, воспринимавшие текст как прямой ответ на их упреки в адрес «Выбранных мест из переписки с друзьями», и последующие исследователи, обращавшиеся к этому тексту как к одному из главных источников биографических сведений о Гоголе (подробнее см.: [2]). Однако уже В.И. Шенрок ставит под сомнение именно достоверность <Авторской исповеди> и видит задачу будущих исследователей биографии Гоголя в том, чтобы различить, что «было им действительно сознаваемо и правдиво передано и что явилось под влиянием неблагоприятных мнений и нападок, посылавшихся на него со всех сторон» [26, с. 192]. Чуть позже В.Н. Мочульский составит список неточностей и противоречий, встречающихся в <Авторской исповеди> [17].

Перед современным комментатором <Авторской исповеди> стоит задача интерпретировать эти неточности и противоречия или с точки зрения «автобиографической конвенции», если перед нами исповедь или творческая автобиография, или с точки зрения законов построения художественного текста, если мы имеем дело с особым рода «повестью». Иными словами, сталкиваясь с неправильным воспроизведением Гоголем фактов собственной биографии, комментатор должен интерпретировать их или как ошибки памяти и аберрацию сознания, или как сознательную игру с читателем автобиографического текста, или как вымысел, работающий на создание художественного образа.

Наиболее показательным в этом отношении оказывается эпизод первого путешествия Гоголя за границу, предпринятого им в 1829 г.:

Едва только я очутился в море, на чужом корабле, среди чужих людей (пароход был аглицкий, и на нем ни души русской), мне стало грустно; мне сделалось так жалко друзей и товарищей моего детства, которых я оставил и которых я всегда любил, что прежде, чем вступить на твердую землю, я уже подумал о возврате. Три дни только я пробыл в чужих краях и, несмотря на то, что новость предметов начала меня завлекать, я поспешил на том же самом пароходе возвратиться, боясь, что иначе мне не удастся возвратиться [31, т. 8, с. 450].

В действительности, покинув Петербург во второй половине июля 1829 г.⁴, Гоголь вернулся в столицу 22 сентября⁵. Из его писем к матери известно, что за это время он успел посетить не только Любек, но и Гамбург и Травемунд (небольшой городок в 18 верстах от Любека), где принимал лечебные воды. Указание на три дня пребывания за границей вызывало недоумение у биографов Гоголя, но, как правило, получало психологическое объяснение. Так, П.А. Кулиш комментировал это место следующим образом: «Здесь тоже Гоголь забыл, как видно, свою поездку из Любека в Травемунд для лечения водами и смешал пребывание в Любеке с пребыванием вообще в чужих краях» [11, с. 154]. В.И. Шенрок попытался объяснить забывчивость Гоголя эмоциональным впечатлением, которое произвела на него поездка: «Очевидно поездка эта оставила в нем впечатление чего-то быстрого, тревожного, промелькнувшего в его жизни в один момент» [26, с. 189].

П.А. Кулиш допускает, что некоторые изменения биографических фактов были внесены Гоголем в безымянную записку потому, что «он написал ее для печати». В частности, биограф считает, что «побудительной причиной к скорому возвращению из-за моря» стала забота о матери, которая

4 Газета «Санкт-Петербургские Ведомости» поместила извещение об отъезде Гоголя за границу 5, 9 и 12 июля 1829 г. (Отъезжающие за границу // Прибавление № 159 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Пятница, июля 5-го 1829 года. С. 1466; Прибавление № 162 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Вторник, июля 9-го 1829 года. С. 1496; Прибавление № 165 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Пятница, июля 12-го 1829 года. С. 1524).

5 Из записки М.И. Гоголь: «...будучи в Любеке и Гамбурге, он мне писал часто и обрисовывал в письме улицу, где он квартировал, и как случилось им пристать по причине бури на остров Борнгольм, описывал мне тамошних наряд, и всего 2 месяца проездил; тогда ему было 20 л<ет>». ИРЛИ. Ф. 652. Оп. 2. Ед. хр. 47. Гоголь-Яновская М.И. Автобиография (отрывок). 4 л. [3, с. 28–29]. Об этом эпизоде из жизни Н.В. Гоголя см.: [33; 21].

печалилась, полагая сына «в таком далеком расстоянии». Но, описывая это событие спустя 18 лет, Гоголь скрыл «имя матери под более общим наименованием» [11, с. 153], объяснив возвращение тоской по друзьям и товарищам детства. Безусловно, публично-полемическая интерпретация приведенного отрывка может быть расширена. Гоголь отвечает на многочисленные упреки в том, что он уже много лет живет за границей и не знает России. Ему важно доказать, что он «никогда не имел влечения и страсти к чужим краям» [31, т. 8, с. 450] и находится вне России только по причине творческой необходимости. История с почти мгновенным возвращением из своего первого заграничного путешествия представляется ему веским аргументом в этой полемике.

Ю.В. Манн, анализируя эпизод первого путешествия Гоголя за границу, подчеркивает, что в письмах к матери начинающий писатель приводит целый спектр мотивировок, призванных объяснить его внезапное решение покинуть Петербург: он пишет то о любовном увлечении, то о состоянии здоровья, то о множественности постигших его неудач. Если учитывать, что на поездку Гоголь тратит деньги, присланные матерью в Опекунский совет, понятно его желание представить свое решение как серьезное и обоснованное, чему помогает его способность достраивать реальные жизненные ситуации с помощью своего весьма живого воображения [14, с. 155–165]. Можно предположить, что эпизод, мистифицированный и мифологизированный в момент его проживания, продолжает раскрывать потенциал заложенного в него вымысла и спустя 18 лет⁶.

Аналогичным примером художественного домысливания собственной жизни может служить история несуществующей «Прощальной повести», упомянутой в «Предисловии» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» как совершенно реальный, уже написанный текст. Ф.М. Достоевский обвинил Гоголя в прямой неправде, которую объяснил «психологическим феноменом “подполья”» [32, с. 330]. Однако Ю.В. Манн, анализируя загадку «Прощальной повести», приходит к выводу, что имеет место «не прямая неправда, а воображение, мечта» [15, с. 129], «реальность, вобравшая в себя элементы мифа, точнее даже мифостроения» [15, с. 134].

6 Ср. точку зрения М.Г. Соколянского: «...рецидив романтической фантазии также дает о себе знать на страницах “Авторской исповеди”» [21, с. 9].

Таким образом, мы можем предположить, что в приведенном фрагменте Гоголь нарушает собственно «биографическую конвенцию» и прибегает к художественному вымыслу, имеющему мифопоэтические корни. Подчеркнем, что в <Авторской исповеди> пребывание в Европе всегда обозначено выражением «чужие края», актуализирующим фольклорную оппозицию «свой – чужой»: Россия – свое царство; Европа – иное, «тридцатое» царство. Подобно тому как сказочный герой отправляется в иное царство за волшебными предметами или брачными партнерами, которых ему предстоит добыть или завоевать, Гоголь сообщает, что отправляется в чужие края на поиски любви к России: «...точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее» [31, т. 8, с. 450]. Два царства непременно разделены устойчивой границей, которую герою нужно преодолеть. В данном случае такой границей выступает море как хтоническая стихия, а переправа через нее осуществляется на корабле. «Переправа, – как отмечает В.Я. Пропп в исследовании сказки, – есть подчеркнутый, выпуклый, чрезвычайно яркий момент пространственного передвижения героя» [19, с. 202]. В <Авторской исповеди> момент переправы драматизируется нагнетанием лексемы «чужой» и намеренной гиперболизацией («пароход был аглицкий, и на нем ни души русской» [31, т. 8, с. 450]). Безусловно, образ моря в сочетании с временным указанием «три дня» должен был вызывать устойчивую ассоциацию с трехдневным пребыванием пророка Ионы во чреве кита, которая вполне соответствует самосознанию Гоголя времени написания <Авторской исповеди>, – после оглушительной критики «Выбранных мест...» он вполне мог ощущать себя пророком, сброшенным с корабля.

Таким образом, проблема комментирования этого и подобных мест требует развернутой историко-литературной статьи, объясняющей сложную, синкретичную природу жанра <Авторской исповеди>. Реальный же комментарий должен или ограничиваться фактами, оставляя интерпретацию делом читателей, или включать все перечисленные варианты, в том числе указания на мифопоэтические истоки образа.

Эпистолярные переключки

Замысел <Авторской исповеди> вызревает у Гоголя постепенно, начиная с февраля 1847 г., по мере поступления из России отзывов на книгу

«Выбранные места из переписки с друзьями». Назревающая необходимость объясниться с читателями доходит до воплощения в письменном тексте в мае–июне 1847 г. Первое упоминание о «небольшой книжечке», в которой будет «сколько возможно яснее» изображена «повесть моего писательства» [31, т. 13, с. 320], появляется в письме П.А. Плетневу 29 мая (10 июня) из Франкфурта-на-Майне. Однако к концу августа 1847 г. у Гоголя окончательно созревает мысль отложить до времени публичные объяснения со своими читателями. В письме к С.П. Шевыреву от 28 августа н.ст. 1847 г. он сообщает: «Что касается до объяснений на мою книгу, то я решился дело это оставить. Покуда не съезжу в Иерусалим, не предприму ничего, а до того и другие от многого очнутя» [31, т. 13, с. 372]. Однако мысль о необходимости какого-то итогового текста не оставляет писателя. Своеобразным «вариантом» <Авторской исповеди> становится письмо Жуковскому от 29 декабря 1847 г. (10 января 1848), которое Гоголь планирует издать вместо «Завещания» при переиздании «Выбранных мест...»: «Если письмо это найдешь без достоинств<ва>, то побереги его. Его можно будет при втором издании “Переписки” поставить впереди книги на место “Завещания”, имеющего выброситься, а заглавье дать ему: “Искусство есть примирение с жизнью”» [31, т. 14, с. 38–39].

На протяжении 1847 г. Гоголь не только обдумывает и пишет будущую <Авторскую исповедь>, но и ведет обширную переписку с друзьями, в которой пытается отвечать на множащиеся упреки, подыскивает весомые аргументы, оттачивает выражения. Уже первый биограф Гоголя П.А. Кулиш обратил внимание на то, что «особая записка» постепенно подготавливалась и оформлялась в «оправдательных» письмах, которые Гоголь активно писал своим друзьям и знакомым после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» [11, с. 466–467].

Это наблюдение ставит перед комментатором задачу выявления эпистолярных параллелей, позволяющих проследить динамику гоголевской мысли. Однако достаточно ли в современной комментарии просто указать, что тот или иной фрагмент <Авторской исповеди> может быть соотнесен с тем или иным письмом Гоголя? Уместен ли в комментарии хотя бы минимальный анализ той трансформации, которой подвергся текст частного письма, попадая в пространство текста, предназначенного для публикации? Каков характер этой трансформации? В.В. Набоков в своей книге о Гого-

ле вскользь заметил: «В письмах, которые он писал, работая над “Выбранными местами из переписки с друзьями”, нет этих “мест” (если бы они там были, Гоголь не был бы Гоголем), но они очень схожи и по смыслу, и по тону» [18, с. 491]. Творческая переработка эпистолярного материала, безусловно, совершалась и при работе над <Авторской исповедью>⁷.

Эпистолярный среди других видов автодокументальной литературы выделяется своей особой ориентацией на адресата. Если в дневниках и мемуарах адресат может быть не выявлен, предельно обобщен, отделен от автора временной дистанцией, то переписка представляет собой диалог, в котором каждая сторона высказывает себя с оборотом на слово собеседника, испытывает и оказывает влияние. Так, одна из тем переписки Н.В. Гоголя с С.П. Шевыревым 1846–1847 гг. — религиозный опыт Гоголя, который, как представляется Шевыреву, испытывает серьезное влияние католичества: «Мне кажется тоже, что ты слишком вводишь личное начало в религию и в этом увлекаешься тем, что тебя окружает» [35, т. 2, с. 339]. Признаком этого западного влияния Шевырев считает чрезмерное внимание Гоголя к обстоятельствам своей жизни, в которых последний видит указания Бога: «Но видеть во всяком постороннем обстоятельстве личное отношение Бога ко мне значит как бы хотеть приобрести милость Божию в свою собственность и самозабвенно называться избранныком Божьим и любимцем» [35, т. 2, с. 339]. От этого западного религиозного индивидуализма, по мысли Шевырева, «хранит чистое и смиренное наше православие» [35, т. 2, с. 339]. Закономерно, что, получив столь суровое наставление, Гоголь в дальнейшей переписке с Шевыревым перестает акцентировать внимание на обстоятельствах, свидетельствующих о действии Промысла Божьего в его жизни, хотя от мысли о своем избранничестве не отказывается. Отсюда характерное различие между текстом письма и текстом <Авторской исповеди>.

7 При разборе бумаг Гоголя его друзьями будущая <Авторская исповедь> была первоначально идентифицирована как предисловие или дополнение к «Выбранным местам...». См., например, письмо гр. А.П. Толстого С.П. Апраксиной (в оригинале по-французски): «Мы обнаружили вновь несколько тетрадей, избежавших уничтожения... <...> 3. Множество писем и Предисловие, одним словом, новое издание, пересмотренное и дополненное Переписки с друзьями» [34, с. 489].

Письмо С.П. Шевыреву от 25 июня (7 июля) 1847 г.	<Авторская исповедь>
На это мне следует сделать чистосердечное изъяснение моего авторского дела, чтобы читатель видел сам, оставил ли я поприще, переменил ли направление, умничал ли сам, желая изменить себя, или есть сильнее нас общие законы, которым мы подвержены, все бедные человеки... [31, т. 13, с. 334].	Чтобы отвечать на этот запрос, я решаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повесть моего авторства, чтобы дать возможность всякому справедливее осудить меня, чтобы увидал читатель, переменил ли я поприще свое, умничал ли сам от себя, желая дать себе другое направление, или и в моей судьбе так же, как и во всем, следует признать участие того, кто располагает миром не всегда сообразно тому, как нам хочется, и с которым трудно бороться человеку [31, т. 8, с. 438].

Конкретному адресату Гоголь решает написать только об общих законах, которые действуют в его жизни так же, как и в судьбах всех людей. В <Авторской исповеди> он возвращается к излюбленной мысли о том, что Тот, Кто управляет всем миром, проявляет себя и в его личной человеческой и писательской судьбе, тем самым убеждая читателя в своем праве на пророческое и учительное слово. Попутно отметим, что выражение «с Которым трудно бороться человеку» отсылает искушенного читателя к эпизоду борьбы Иакова с Богом (Быт. 32: 24–30) и усиливает мотив особой избранности автора текста.

Л.Я. Гинзбург видит отличие писем и дневников от мемуаров, автобиографий и исповедей в том, что они «закрепляют еще не предпрешенный процесс жизни с еще неизвестной развязкой» [5, с. 13]. «Огромное пространство, — по мнению ученого, — отделяет исполненное психологических признаний письмо от психологического романа» [5, с. 13], и это пространство определяется степенью эстетической преднамеренности в построении образа личности. В каком именно направлении происходит эта эстетизация реального психологического опыта, позволяет увидеть сопоставление письма Н.В. Гоголя С.Т. Аксакову от 28 июня (10 июля) 1847 г. с финалом <Авторской исповеди>.

<p align="center">Письмо С.Т. Аксакову от 18 июня (10 июля) 1847 г.</p>	<p align="center"><Авторская исповедь></p>
<p>Ради самого Христа, прошу вас теперь уже не из дружбы, но из милосердия, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострадающей душе, — из милосердия прошу вас взойти в мое положение, потому что душа моя изныла, как ни креплюсь и ни стараюсь быть хладнокровным. Отношения мои стали слишком тяжелы со всеми теми друзьями, которые поторопились подружиться со мной, не узнавши меня. Как у меня еще совсем не закружилась голова, как я не сошел еще с ума от всей этой бестолковщины — этого я и сам не могу понять! Знаю только, что сердце мое разбито и деятельность моя отнялась. Можно еще вести брань с самыми ожесточенными врагами, но храни бог всякого от этой страшной битвы с друзьями! Тут всё изнеможет, что ни есть в тебе. Друг мой! я изнемог [31, т. 13, с. 347].</p>	<p>Не могу не признаться, что вся эта путаница и недоразумение было для меня очень тяжело, — тем более, что я думал, что в книге моей скорей зерно примиренья, а не раздора. Душа моя изнемогла бы от множества упреков, из них многие были так страшны, что не дай их бог никому получить. Не могу не изъявить также и благодарности тем, которые могли бы также осыпать меня за многое упреками, но которые, почувствовав, что их уже слишком много для немощной натуры человека, рукой скорбящего брата приподняли меня, повелевши ободриться. Бог да вознаградит их: я не знаю выше подвига, как подать руку изнемогшему духом [31, т. 8, с. 467].</p>

Ключом к психологическому состоянию автора оказывается слово «изнемог», неоднократно повторяющееся в том и другом тексте. Причиной изнеможения объявляется «бестолковщина», «путаница и недоразумение», вызванные непониманием книги «Выбранные места из переписки с друзьями» читателями, в том числе и ближайшими друзьями. Однако если в письме тема изнеможения нарастает, достигая в конце фрагмента своего эмоционального предела, подчеркнутого короткими восклицательными предложениями, то в <Авторской исповеди> она сразу подается в сослагательной модальности («душа моя изнемогла бы...») и уравнивается темой ободрения и благодарностью тем, кто подал руку изнемогшему духом. То, что в письме выглядит как жизненный тупик («сердце мое разбито и деятельность моя отнялась»), в тексте, готовившемся к публикации, оборачивается темой человеческого братства («рукой скорбящего брата приподняли меня»⁸) и духовного подвига («я не знаю выше подвига,

8 Ср.: «...но все люди — братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое» [31, т. 8, с. 412].

как подать руку изнемогшему духом»), которые были ключевыми и для финала «Выбранных мест...»⁹. Эпистолярное описание экзистенциальной катастрофы, которое знаменует формирование нового «конструктивного принципа» [25, с. 130] в изображении человеческой личности, принципа, который проявит себя, в частности, в повестях и романах Ф.М. Достоевского, Гоголем гармонизируется; образ собственной личности вписывается писателем в общую антропологическую концепцию, для которой характерны идеи человеческого братства, духовного самоусовершенствования, поприща-призвания, промыслительной заботы Бога о человеке. Письмо оказывается живым и достоверным человеческим документом, тогда как текст <Авторской исповеди> тяготеет к выявлению определенной духовно-интеллектуальной концепции человека и его судьбы в мире, имеющей христианские истоки.

С.А. Гончаров обратил внимание на то, что в произведениях позднего Гоголя формируется особый тип текста, в основе которого «принцип понимания духовного, внутреннего смысла» [6, с. 666] высказывания. Поэтому в письмах к разным адресатам писатель настаивает, что его произведения и письма нужно читать пристально и не единожды, чтобы за буквальным смыслом открылся смысл духовный, символический. «Сложная система удвоений и многоступенчатых зеркальных отражений имеет в конечном счете своим “первообразом” религиозно-мистический метатекст» [6, с. 667]. Приемы усиления символического смысла высказывания при переходе от эпистолярного текста к публичному высказыванию, обладающему признаками художественного текста, можно проследить, сравнив письмо Гоголя к Шевыреву от 30 января (11 февраля) 1847 г. с текстом <Авторской исповеди>. И в том и в другом случае речь идет об опыте самопознания и познания душевной жизни человека вообще, который приводит автора к встрече со Христом.

9 Ср.: «...когда подвиги сердоболия и помощи несчастным стали разговором даже модных гостиных...» [31, т. 8, с. 411].

Письмо С.П. Шевыреву от 30 января (11 февраля) 1847 г.	<Авторская исповедь>
<p>Анализ над душой человека таким образом, каким его не производят другие люди, был причиной того, что я встретился со Христом, изумясь в нем прежде мудрости человеческой и неслыханному дотоле знанию души, а потом уже поклонясь божеству его. Экзальтации у меня нет, скорей арифметический расчет; складываю просто, не горячася и не торопясь, цифры, и выходят сами собою суммы [ЗГ, т. 13, с. 214].</p>	<p>...и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в нем ключ к душе человека, и что еще никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял он. Поверкой разума поверил я то, что другие понимают ясной верой и чему я верил дотоле как-то темно и неясно. К этому привел меня и анализ над моею собственной душой: я увидел тоже математически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображенью... [ЗГ, т. 8, с. 443].</p>

Мысль о том, что анализ, работа разума, уподобленная математическим действиям, способны стать прямыми проводниками к религиозному опыту, повторяется Гоголем не случайно: в недалеком прошлом в личной памяти его самого, адресата письма и потенциальных читателей — экзальтированная Александровская эпоха, по контрасту с которой людям сороковых годов открываются новые пути богопознания. Однако, сохраняя главную мысль и апелляцию к актуальной для современников научности наблюдений и выводов, Гоголь уходит от выражения «арифметический расчет», восходящего к образу Германна из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина¹⁰, и переходит к сложной системе образов, имеющих библейские и более широкие архетипические истоки. Образы дороги¹¹, ключа¹², восхождения на высоту¹³, контраст темноты и света, ясности¹⁴; мотив видения¹⁵; апофатические

10 Ср.: «Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» [36, с. 203].

11 «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14: 6).

12 «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали» (Лк. 11: 52); «...и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16: 19).

13 «Потом взшел на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему» (Мк. 3: 13) и др.

14 «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 5).

15 «Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20: 29).

указатели «не чувствительно», «не ведая как...» призваны задать параметры таинственного, мистериального пространства, которое обращено не только к разуму или эмоциям читателя, но предназначено для введения его в особый внутренний опыт.

Таким образом, в ходе комментирования тех фрагментов <Авторской исповеди>, которые имеют прямое соотношение с эпистолярным наследием писателя, было бы крайне полезно указывать, какие факторы влияют на трансформацию текста. Некоторые из них мы перечислили выше: уход от прямой диалогической ориентации на адресата; эстетизация собственного психологического опыта и осознанное выстраивание определенной концепции личности; тяготение к построению особого типа символического текста, призванного обратить читателя к его внутреннему духовному опыту.

Заключение

Комментирование прозы Н.В. Гоголя 1840-х гг., несомненно, оказывается сложной проблемой, лишь некоторые аспекты которой были изложены в данной статье. Тексты позднего Гоголя обретают ранее не свойственную им жанровую природу, выходящую за границы собственно литературных жанров; меняется характер слова писателя, которое обретает теперь не только многозначность, но и сакральность; усиливается стремление к реинтерпретации собственных текстов и собственной судьбы, что также требует особого комментаторского внимания. Отметим также сложность композиции <Авторской исповеди>, на страницах которой писательская автобиография, задуманная и, возможно, отчасти написанная до публикации «Выбранных мест...», перемежается с актуальной полемикой, ответами на упреки по поводу только что вышедшей книги.

<Авторская исповедь> становится своего рода аккумулятором творческого самосознания Гоголя и в то же время частью стратегии выстраивания образа писателя-проповедника и учителя. Уже в конце января 1847 г., когда Гоголю еще не известна реакция на книгу «Выбранные места...» и, следовательно, в его голове не созрел замысел некоего оправдательного и разъяснительного текста, в письмах к ближайшим друзьям уже появляются фрагменты, которые войдут в записку, созданную лишь летом 1847 г.

М.Л. Гаспаров отмечал, что в истории филологии «чередуются эпохи, когда комментарий служит немедленному решению интерпретаторских за-

дач и когда он служит подведением итогов, запасником средств для будущих интерпретаций» [4, с. 70]. Нам представляется, что положение литературной классики в современном мире требует первого подхода к проблеме комментирования. Однако задача современного комментирования нам видится, конечно, не в возвращении к идее единой и единственно верной интерпретации, но в помощи современным читателям в восстановлении всех связей, вне которых невозможно понимание того или иного текста. Безусловно, это приведет к расширению границ и увеличению объема комментария, но только разумное сочетание научной точности фактов и герменевтической заинтересованности в смысле текста, проступающего в реальности сегодняшнего дня с новой остротой, сможет вернуть классический текст нашим современникам, что жизненно важно как для преемственности культурной традиции, так и для ответов на экзистенциальные вызовы современности.

Список литературы

Исследования

- 1 *Аверинцев С.С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // *Аверинцев С.С.* Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 40–105.
- 2 *Балакшина Ю.В.* «Авторская исповедь» Н.В. Гоголя: история рецепции в русской критике // *Филологические науки.* 2020. № 2. С. 61–67. DOI: 10.20339/PhS.2-20.061
- 3 *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. 901 с.
- 4 *Гаспаров М.Л.* Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // *Новое литературное обозрение.* 2004. № 2 (66). С. 70–74.
- 5 *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. 2-е изд. Л.: Худож. лит., 1976. 448 с.
- 6 *Гончаров С.А.* Гоголевский текст и духовное око // *Гоголь в русской критике: Антология* / сост. С.Г. Бочаров. М.: Фортуна ЭЛ, 2008. С. 663–679.
- 7 *Двинатина Т.М.* Монологи о комментарии // *Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч.Вс. Иванова.* М.: Наука, 2006. С. 86–93.
- 8 *Дмитриева Е.Е.* Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая // *Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французско-русских исследователей* / под общ. ред. М. Делона, Е.Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 33–50.

- 9 Достоевский: дополнение к комментарию / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2005. 694 с.
- 10 Касаткина Т.А. От редактора // Достоевский: дополнение к комментарию / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2005. С. 3–6.
- 11 Кулиш П.А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.
- 12 Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 847 с.
- 13 Манн Ю.В. Н.В. Гоголь: академический комментарий в поисках жанра // Проблемы текстологии и эдичионной практики: Опыт французско-русских исследований / под общ. ред. М. Делона, Е.Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 103–111.
- 14 Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект Пресс, 2004. 813 с.
- 15 Манн Ю.В. «Прощальная повесть» — «прощание»? // Манн Ю.В. Н.В. Гоголь. Тайны биографии и тайны творчества. М.: РГГУ, 2019. С. 119–137.
- 16 Михед П.В. Место «Авторской исповеди» в творческой судьбе Гоголя // Гоголевский сборник. СПб.: Образование, 1994. С. 154–158.
- 17 Мочульский В.Н. «Авторская исповедь» Н.В. Гоголя. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1903. 20 с.
- 18 Набоков В.В. Николай Гоголь // Набоков В.В. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997. Т. 1. С. 400–524.
- 19 Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.
- 20 Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.
- 21 Соколянский М.Г. Гоголь в Любеке // Соколянский М.Г. Гоголь: грани творчества. Одесса: Астропринт, 2009. С. 5–14.
- 22 Текст и комментарий: круглый стол к 75-летию Вяч.Вс. Иванова. М.: Наука, 2006. 420 с.
- 23 Текстология и историко-литературный процесс: VI Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 9–11 марта 2017 г.): сб. ст. / под ред. У.В. Башко, А.О. Бурцевой и др. М.: Буки Веди, 2018. 180 с.
- 24 Тихомиров Б.Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.
- 25 Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. С. 121–136.
- 26 Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1892. Т. 1. VIII, 385 с.

Источники

- 27 Гоголь Н.В. <Авторская исповедь>. Комментарий // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. VI. С. 627–629.
- 28 Гоголь Н.В. Духовная проза / сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Русская книга, 1992. С. 508–511.
- 29 Гоголь Н.В. Духовная проза / сост., вступ. ст. и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Отчий дом, 2001. С. 512–514.
- 30 Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. О вере и Государстве Российском / сост., коммент. и вступ. ст. В.А. Воропаева. СПб.: Русская симфония, 2007. С. 453–455.
- 31 Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
- 32 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- 33 Крейцер А. Зачем уезжал Гоголь из Петербурга в 1929 г. // Нева. 1993. № 4. С. 284–287.
- 34 Паламарчук П.Г. Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя // Гоголь: история и современность. М.: Сов. Россия, 1985. С. 489–490.
- 35 Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. М.: Худож. лит., 1988.
- 36 Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1974–1978.

References

- 1 Averintsev, S.S. “Grecheskaia ‘literatura’ i blizhnvestochnaia ‘slovesnost’ (protivostoianie i vstrecha dvukh tvorcheskikh printsipov)” [“Greek ‘Literature’ and Middle Eastern ‘Slovesnost’ (Opposition and Meeting of Two Creative Principles)”]. Averintsev, S.S. *Obraz antichnosti [The Image of Antiquity]*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004, pp. 40–105. (In Russ.)
- 2 Balakshina, Iu.V. “Avtorskaia ispoved’ N.V. Gogolia: istoriia retseptsii v russkoi kritike” [“The Author’s Confession’ N.V. Gogol: the History of Reception in Russian Criticism”]. *Filologicheskie nauki*, no. 2, 2020, pp. 61–67. DOI: 10.20339/PhS.2-20.061 (In Russ.)
- 3 Vinogradov, I.A. *Gogol’ v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov: polnyi sistematskii svod dokumental’nykh svidetel’stv: v 3 t. [Gogol in Memoirs, Diaries, Correspondence of Contemporaries: A Complete Systematic Collection of Documentary Evidence: in 3 vols.]*, vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 901 p. (In Russ.)
- 4 Gasparov, M.L. “Iu.M. Lotman i problemy kommentirovaniia” [“Yu.M. Lotman and the Problems of Commenting”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (66), 2004, pp. 70–74. (In Russ.)
- 5 Ginzburg, L.Ia. *O psikhologicheskoi proze [About Psychological Prose]*. 2nd ed. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1976. 448 p. (In Russ.)

- 6 Goncharov, S.A. "Gogolevskii tekst i dukhovnoe oko" ["Gogol's Text and the Spiritual Eye"]. Bocharov, S.G., editor. *Gogol' v russkoi kritike: Antologiya [Gogol in Russian Criticism]*. Moscow, Fortuna EL Publ., 2008, pp. 663–679. (In Russ.)
- 7 Dvinyatina, T.M. "Monologi o kommentarii" ["Monologues on Commentary"]. *Tekst i kommentarii: Kruglyi stol k 75-letiiu Viach.Vs. Ivanova [Text and Commentary: Round Table for the 75th Anniversary of Vyacheslav Ivanov]*. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 86–93. (In Russ.)
- 8 Dmitrieva, E.E. "Izdanie Gogolia: problema eticheskaiia, esteticheskaiia, tekstologicheskaiia" ["Gogol's Edition: An Ethical, Aesthetic, Textological Problem"]. Delon, M., and E.E. Dmitrieva, editors. *Problemy tekstologii i editsionnoi praktiki: Opyt frantsuzsko-russkikh issledovatelei [Problems of Textual Criticism and Traditional Practice: the Experience of French-Russian Studies]*. Moscow, OGI Publ., 2003, pp. 33–50. (In Russ.)
- 9 Kasatkina, T.A., editor. *Dostoevskii: dopolnenie k kommentariiu [Dostoevsky: an Addition to the Commentary]*. Moscow, Nauka Publ., 2005. 694 p. (In Russ.)
- 10 Kasatkina, T.A. "Ot redaktora" ["From the Editor"]. Kasatkina, T.A., editor. *Dostoevskii: dopolnenie k kommentariiu [Dostoevsky: an Addition to the Commentary]*. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 3–6. (In Russ.)
- 11 Kulish, P.A. *Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil'evicha Gogolia, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem [Notes about the Life of Nikolai Vasilyevich Gogol, Composed of the Memoirs of his Friends and Acquaintances and his Letters]*. Moscow, IWL RAWS Publ., 2003. 704 p. (In Russ.)
- 12 Lotman, Iu.M. *Pushkin [Pushkin]*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1995. 847 p. (In Russ.)
- 13 Mann, Iu.V. "N.V. Gogol': akademicheskii kommentarii v poiskakh zhanra" ["N.V. Gogol: an Academic Commentary in Search of a Genre"]. Delon, M., and E.E. Dmitrieva, editors. *Problemy tekstologii i editsionnoi praktiki: Opyt frantsuzsko-russkikh issledovatelei [Problems of Textual Criticism and Traditional Practice: the Experience of French-Russian Studies]*. Moscow, OGI Publ., 2003, pp. 103–111. (In Russ.)
- 14 Mann, Iu.V. *Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845 [Gogol: Works and Days: 1809–1845]*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2004. 813 p. (In Russ.)
- 15 Mann, Iu.V. "'Proshchal'naia povest' – 'proshchanie?'" ["Is a Farewell Tale a Goodbye?"]. Mann, Ju.V. *N.V. Gogol'. Tainy biografii i tainy tvorchestva [N.V. Gogol: Secrets of Biography and Secrets of Creativity]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2019, pp. 119–137. (In Russ.)
- 16 Mikhed, P.V. "Mesto 'Avtorskoi ispovedi' v tvorcheskoi sud'be Gogolia" ["The Place of the 'Author's Confession' in the Creative Destiny of Gogol"]. *Gogolevskii sbornik [Gogol Collection]*. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1994, pp. 154–158. (In Russ.)

- 17 Mochul'skii, V.N. "Avtorskaia ispoved'" N.V. Gogolia ["Author's Confession" by N.V. Gogol]. Voronezh, Tipografiia V.I. Isaeva, 1903. 20 p. (In Russ.)
- 18 Nabokov, V.V. "Nikolai Gogol'" ["Nikolay Gogol"]. Nabokov, V.V. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.], vol. 1. St. Petersburg, Simpozium Publ., 1997, pp. 400–524. (In Russ.)
- 19 Propp, V.Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 364 p. (In Russ.)
- 20 Savkina, I. *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* [Conversations with a Mirror and a Looking Glass: Auto-documentary Women's Texts in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 416 p. (In Russ.)
- 21 Sokolianskii, M.G. "Gogol' v Liubeke" ["Gogol in Lubeck"]. Sokolianskii, M.G. *Gogol': grani tvorchestva* [Gogol: the Facets of Creativity]. Odessa, Astroprint Publ., 2009, pp. 5–14. (In Russ.)
- 22 *Tekst i kommentarii: kruglyi stol k 75-letiiu Viach.Vs. Ivanova* [Text and Commentary: Round Table Dedicated to the 75th Anniversary of Vyach.Vs. Ivanov]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 420 p. (In Russ.)
- 23 Bashko, U.V., and A.O. Burtseva, et al, editors. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess: VI Mezhdunarodnaia konferentsiia molodykh issledovatelei (Moskva, Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 9–11 marta 2017 g.)* [Textual Criticism and the Historical and Literary Process: VI International Conference of Young Researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, March 9–11, 2017): Collection of Articles]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2018. 180 p. (In Russ.)
- 24 Tikhomirov, B.N. "Lazar'! Griadi von'." Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentarii ["Lazarus! Come Forth." "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky in a Modern Reading: Commentary Book]. 2nd ed., rev. and edd. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)
- 25 Tynianov, Iu.N. "Literaturnyi fakt" ["Literary Fact"]. Tynianov, Iu.N. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1993, pp. 121–136. (In Russ.)
- 26 Shenrok, V.I. *Materialy dlia biografii Gogolia: v 4 t.* [Materials for the Biography of Gogol: in 4 vols.], vol. 1. Moscow, Tipografiia A.I. Mamontova i K, 1892. VIII, 385 p. (In Russ.)